

УДК [930.253:94](470+571)"1877/1878"

Н. Н. ВОРОБЬЕВА*

**“РУССКАЯ ЖОРЖ САНД”
(ОБ ОДНОМ НЕИЗВЕСТНОМ АРХИВНОМ ИСТОЧНИКЕ
ПО ИСТОРИИ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877–1878 гг.)**

Йдеться про знайдені автором у фондах Російського державного військово-історичного архіву (РДВІА) “Спогади” графині Є. В. Салиас де Турнемир, присвячених одній із найзначніших подій XIX ст. – російсько-турецькій війні 1877–1878 рр.

Ключові слова: Є. В. Салиас де Турнемир; Євгенія Тур; письменниця; твори; Гурко; війна.

Графиня Елизавета Васильевна Салиас де Турнемир (1815–1892) (псевдоним Евгения Тур) – известная русская писательница, фигура неординарная, в чем-то даже скандальная, активная сторонница движения за права женщин, “русская Жорж Санд”, как называли ее современники. Она была родной сестрой знаменитого драматурга А. В. Сухово-Кобылина и матерью Е. А. Салиаса де Турнемира, прославившегося своими историческими романами. Ее дочь Мария была замужем за героем русско-турецкой войны 1877–1878 гг., видным государственным деятелем генералом И. В. Гурко. Литературное творчество Евгении Тур, некогда весьма популярное, не выдержало проверку временем, но ее жизненный путь оставил заметный след в общественной жизни России середины XIX в.

Е. В. Салиас де Турнемир была представительницей старинного дворянского рода Сухово-Кобылиных, происходившего, как и Романовы, от боярина Андрея Ивановича Кобылы. В имении Сухово-Кобылиных – Кобылинке Мценского уезда Тульской губернии – хранились семейные реликвии, свидетельствовавшие о том, что предки писательницы по отцовской линии играли значительную роль еще при дворе Ивана Грозного.

Отец Елизаветы Васильевны – Василий Александрович Сухово-Кобылин (1784–1873) – герой Отечественной войны 1812 г., предводитель подольского дворянства. Степенный, с гордой осанкой, седов-

* *Воробьева Надежда Николаевна* – аспирант Института славяноведения РАН.

ласый полковник-конноартиллерист в отставке, лишившийся глаза в сражении с французами, являл собой живую историю. Георгиевский крест 4-й степени был вручен ему великим князем Константином Павловичем, а прусский орден “За достоинство” он получил от героя Ватерлоо прославленного фельдмаршала Блюхера.

Мать – Мария Ивановна, урожденная Шепелева (1789–1862), отличалась не только красотой, но и образованностью. Чрезвычайно экспрессивная, вспыльчивая, она обладала незаурядным умом, интересовалась наукой, искусством, занималась переводами философских сочинений. В 1814 г. она вышла замуж за В. А. Сухово-Кобылина. Спустя год на свет появился их первенец – дочь Елизавета. Затем родились еще трое детей – сын Александр (1817–1903) и две дочери Евдокия (1819–1896) и Софья (1825–1867).

Родители придавали большое значение образованию молодого поколения. Детям с юных лет прививали любовь к искусству, литературе и философии. С самого раннего возраста к ним были приставлены, кроме няни, гувернантка-француженка и гувернер-немец. Им преподавали известные профессора Московского университета: поэт и переводчик С. Е. Раич¹, ученый-юрист Ф. Л. Морошкин². Курс истории и культуры детям Сухово-Кобылиных читал критик, журналист, историк, этнограф, философ, редактор и издатель журнала “Телескоп” Николай Иванович Надеждин.

Результаты не заставили себя ждать. Молодое поколение прослывало фамилию Сухово-Кобылиных. Александр стал одним из выдающихся русских писателей и драматургов XIX в., чьи пьесы “Свадьба Кречинского”, “Смерть Тарелкина” и сейчас украшают театральные афиши. Софья – известна как талантливая пейзажистка, первая женщина, окончившая Академию художеств с золотой медалью. Не проявила себя на профессиональном поприще только Евдокия. Но она была так хороша, нежна и добра, что все звали ее Душа, Душенька. И. В. Тургенев писал о ней как о человеке редкого обаяния и душевной привлекательности³. Влюбленный в нее поэт Н. П. Огарев посвятил ей цикл стихотворений под названием “Buch der Liebe” (“Книга любви”). По мнению критиков, этот цикл можно считать лучшим в его поэтическом творчестве. Важным источником вдохновения Огарева в начале 40-х годов были письма к той же Е. В. Сухово-Кобылиной⁴. Выйдя замуж за камергера Импера-

Елизавета Васильевна Салиас
де Турнемир
(Евгения Тур).

Генерал-фельдмаршал
Иосиф Владимирович Гурко.

торского двора, богатого помещика М. Ф. Петрово-Солово⁵, Евдокия стала придворной дамой.

В своем доме напротив Страстного монастыря, недалеко от Тверской улицы (впоследствии он получил название “Дом Фамусова”), Мария Ивановна завела один из лучших салонов Москвы. Исключительные качества хозяйки привлекали в ее гостиную известных писателей, поэтов, общественных деятелей. Вечерние собрания у Сухово-Кобылиных историк А. Л. Погодин называл средоточием литературного движения, ареопагом печатных явлений⁶.

Между Н. И. Надеждиным и Елизаветой Васильевной возникло необыкновенно сильное взаимное чувство. Роман учителя и ученицы вызвал страшный скандал в семье. Родители не могли согласиться на брак дворянки с поповичем. Тяжелые переживания серьезно подорвали здоровье девушки, и “взбалмошную Лизу” было решено увезти на воды в Европу. Определенные надежды возлагались и на то, что время и расстояние “излечат” влюбленных. Усилия семьи не прошли даром, и спустя несколько лет, предположительно в 1837 г., Елизавета Васильевна вышла замуж во Франции за представителя древнего графского рода Анри Салиаса де Турнемир. Согласно официальным документам, Салиасы вели свою родословную с 1284 г.

После свадьбы молодые переехали в Москву. Василий Александрович перекрестил своего зятя из Анри (Генриха) в Андрея Ивановича, заявив, что не хочет, чтобы его внуки были Генриховичами⁷. Современники довольно скептически отзывались о графе Салиас де Турнемир. Красавец, веселого нрава, наделенный талантом художника, он обладал задатками авантюриста: задумав наладить производство в России шампанского, промотал на этом предприятии все состояние жены. Московскую публику раздражали его сатирические эпиграммы, сыпавшиеся на знатных представителей общества. В 1844 г. граф Салиас де Турнемир за участие в дуэли был выслан во Францию. Его жена и трое малолетних детей: сын Евгений (1840–1908), дочери Ольга (1842–1901) и Мария (1842–1906) остались в России. В дальнейшем Е.А. Салиас де Турнемир прославился как автор исторических романов “Пугачевцы”, “Аракчеевский сынок” и др. В начале XX в. критики называли его “последним литератором, на котором покоилось благословение Герцена и Огарева”⁸. Ольга вышла замуж за К. Н. Жукова. Самая младшая Мария стала женой генерал-фельдмаршала И. В. Гурко.

После отъезда мужа Елизавета Васильевна оказалась “соломенной” вдовой. В это время и проявился ее твердый волевой характер. Не имея средств к существованию, она занялась литературным ремеслом. В 1849 г. под псевдонимом Евгения Тур Елизавета Васильевна публикует первую повесть “Ошибка”, которая имела большой успех.

О происхождении псевдонима писательницы ходили разные слухи. Некоторые усматривали в нем сокращение от “Тургенев”, подозревая роман начинающего дарования с известным писателем. На самом деле, как вспоминал Евгений Салиас де Турнемир, мать «безумно любила имя “Евгений” и “Евгения”. Она же была страстная поклонница Пушкина и, в частности, “Онегина”. Отсюда... имя Евгения взяли без дальних разговоров. Потом стали искать фамилию. “Евгения Саль” – сокращенное от “Салиас”, но “саль” по-французски “грязный”, – некрасиво, “Евгения Льяс” – не звучно, “Евгения Немир” – длинно. И всем понравилось “Евгения Тур”»⁹. Через некоторое время все заговорили о новой талантливой писательнице, что было редкостью в XIX в.: женщине-писательнице сложно было добиться признания среди своих коллег-мужчин и успеха у широкой публики. Такими были традиции в обществе, такой была и степень эмансипации.

“Первое произведение, замеченное публикой и расхваленное критикой, конечно, ввело мою мать сразу в тогдашний литературный круг, – вспоминал сын, – и в доме нашем стали бывать такие личности, как Грановский¹⁰, Шевырев¹¹, Станкевич¹²... но вместе с ними снова появились и старые друзья – Раич и М. А. Максимович¹³, прежние наставники матери по русскому языку и литературе. <...> Моя мать обладала удивительной способностью всю жизнь сочетать в себе женщину, трудящуюся без устали, не покладая рук, то есть пера, с женщиной светской в широком смысле слова...”¹⁴. Действительно московский дом Елизаветы Васильевны превратился в литературный салон, где часто бывали: Н. П. Огарев, И. С. Тургенев, В. П. Боткин, М. Н. Катков, Е. П. Ростопчин, Н. С. Лесков, С. В. Энгельгардт и др.

Через два года вышел в свет роман “Племянница”, в котором графиня Е. В. Салиас проявила себя уже вполне зрелым литератором. Популярность Евгении Тур была такова, что журнал “Современник” отложил публикацию анонсированного романа Н. А. Некрасова “Мертвое озеро” с тем, чтобы дать место ее новому произведению. Расчет издателей оказался верным. По признанию И. С. Тургенева, “блестящие надежды, возбужденные госпожою Тур, оправдались настолько, что уже перестали быть надеждами, и сделались достоянием нашей литературы: дарование госпожи Тур, слава Богу, не нуждается в поощрении и может с честью выдержать самую строгую оценку”¹⁵. Роман “Пчела” явился вершиной профессиональной деятельности Евгении Тур.

Последующие произведения роман “Три поры жизни” (1853–1854), повести “Долг” (1850), “Две сестры” (1851), “Заколдованный круг”

(1854), “Старушка” (1856), “На рубеже” (1857), пьесы “Первое апреля” (1851) и “Чужая душа – потемки” (1852) были встречены более сдержанно.

В соответствие с идеалами феминизма героини романов Евгении Тур, в отличие от мужских персонажей, выделялись своим умом и нравственными достоинствами (“Ошибка”, “Племянница”). Сочинения писательницы отражали ее смелые взгляды на воспитание и образование женщины, ее роль в обществе. В силу этого новаторство Евгении Тур воспринималось критиками как отступление от литературного канона, а переосмысление традиционных стереотипов оказывалось неприемлемым. Так, анонимный рецензент, откликнувшийся на роман “Племянница”, призывал автора: “Не надо переделывать мужчин: они удивительно хорошо подобраны к женщинам и их настоящему счастью”¹⁶. Произведения вызвали сильный резонанс в литературных кругах России. Многочисленные дискуссии и статьи, принадлежавшие перу крупнейших писателей и критиков, в значительной мере способствовали популяризации творчества Евгении Тур. “Сальяс, графиня Елизавета Васильевна <...> стоит во главе современных русских писательниц. Произведения ее известны всей читающей публике”, – отмечалось в “Словаре русских писательниц” за 1865 г.¹⁷

В середине 1850-х–1860-х гг. Евгения Тур сосредоточилась на критике и публицистике. На страницах таких известных периодических изданий, как “Русский вестник”, “Отечественные записки”, “Библиотека для чтения”, “Северная пчела”, “Время” и других, она вновь обратилась к вопросу о положении женщин в обществе. Феминистские воззрения дали основание современникам называть ее “русской Жорж Санд”. В дальнейшем она выступала в качестве литературного критика произведений как классиков – Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, так и молодых литераторов – М. В. Авдеева, Н. Д. Хвоцинской¹⁸. Весьма плодотворным было ее сотрудничество с одним из наиболее авторитетных изданий – “Русским вестником”. Начиная с 1857 г. в этом журнале печатались ее статьи критико-биографического характера. Однако спустя три года Евгения Тур отказалась от сотрудничества вследствие полемики со всемогущим редактором М. Н. Катковым. Поводом для разрыва послужила опубликованная в “Русском вестнике” статья Евгении Тур “Госпожа Свечина”¹⁹. Катков сопроводил материал редакционными комментариями, которые вызвали острые прения с автором. В связи с этим известный публицист Д. И. Писарев критиковал “Русский Вестник” за то, что он “не уважает умственной самостоятельности своих сотрудников”²⁰.

В 1861–1862 гг. Е. В. Салиас издавала в Москве журнал “Русская речь”, освещавший вопросы литературы, истории, искусства, общественной жизни в России и на Западе. Редактировать издание ей помогал журналист, историк и давний друг семейства Е. М. Феоктистов²¹.

Въезд генерала Гурко
в Софию.
Худ. Д. Гюдженов.

“Русская речь” занимала видное место в ряду органов печати умеренного либерализма. В мае 1861 г. (с № 39) журнал объединился с “Московским Вестником”. В связи с этим преобразованием общая редакция перешла к Е. М. Феокистову, который взял на себя также заведование политическим отделом, за Евгенией Тур осталась литературная часть издания. Вследствие финансовых трудностей журнал просуществовал всего год. Скептически относившийся к новым веяниям поэт и переводчик Б.Н. Алмазов посвятил этому событию ехидную стихотворную пародию «Похороны “Русской Речи”», где были такие строки:

Пал журнал новорожденный –
Орган женского ума,
И над плачущей вселенной
Воцарилась снова тьма...

Одним из сотрудников “Русской Речи” был историк и публицист, профессор всеобщей истории Московского университета Г. В. Вызинский (1834–1879), поляк по происхождению, видный деятель польской эмиграции, впоследствии участник польского восстания 1863 г. Будучи, по словам Герцена, натурой “доброй и экзальтированной”, графиня Е. В. Салиас увлеклась им и его идеями и стала яркой сторонницей движения за освобождение Польши. Она также сочувствовала студенческому движению, участником которого был ее сын²². В этот период “дом ее сделался мало-помалу сборищем бог знает какого люда, – вспоминал Е. М. Феокистов, – все это ораторствовало о свободе, равенстве, о необходимости борьбы с правительством и т. п.”²³.

В результате за графиней Е.В. Салиас было установлено полицейское наблюдение, которое было снято только в 1882 г. Опасаясь высылки, она покинула Россию в конце 1861 г. и уехала во Францию, откуда вернулась только в 1869 г. За границей она не прекратила своей литературной и общественной деятельности, участвовала в благотворитель-

ных инициативах в пользу русских эмигрантов, о чем свидетельствуют письма к графине Салиас одного из организаторов студенческого политического клуба “Гейдельбергской читальни” В. Ф. Лугинина.²⁴ В этот период она часто посещала центры русской эмиграции в Гейдельберге, Цюрихе, Женеве. Во время пребывания М. А. Бакунина²⁵ во Флоренции 1864 г. Салиас была его постоянной корреспонденткой. В дальнейшем они продолжили переписку²⁶.

Е. В. Салиас глубоко переживала все происходившее на родине. Так, обращаясь к своей близкой подруге А. П. Сусловой, 16 октября 1864 г. она писала: “Что ни говорите, нигде в другой стране такого рабства, жестокостей, преступлений и бесчеловечий не вынесут. Отчаяние берет...”²⁷.

После возвращения в Россию начался завершающий период творческой деятельности писательницы, изменилась и ее политическая позиция: от прежних либеральных убеждений она перешла к крайне консервативным.

В 1870-х – 1880-х гг. Евгения Тур практически отошла от литературной критики и обратилась к созданию переводных и оригинальных произведений для детей, а также работ религиозно-исторического характера, которые пользовались большой популярностью²⁸. Например, ее повесть “Катакомбы” о раннехристианской жизни выдержала четырнадцать изданий.

В последние годы жизни Е. В. Салиас де Турнемир жила главным образом в своем калужском имении. “Русской Жорж Санд” не стало в 1892 г. Она умерла в Варшаве, в резиденции зятя – генерал-губернатора И. В. Гурко. В соответствии с волей писательницы ее прах был перенесен в родовую усыпальницу Шепелевых, находящуюся в монастыре Успения Пресвятой Богородицы Калужской Свято-Тихоновой Пустыни.

* * *

“Воспоминания” о войне Е. В. Салиас были написаны в 1880 г., спустя два года после того, как отгремели последние залпы русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Они имели конкретного адресата – внуков от дочери Марии и зятя генерала И. В. Гурко – героя минувшей кампании.

Более трех веков Россия вела войны с Турцией. Девять из них преследовали конкретные геополитические цели: выход России в Черное, а затем и в Средиземное море. Десятая русско-турецкая война 1877–1878 гг. была особая. Балканские события 1875–1876 гг. вызвали как в правительственных кругах России, так и в обществе дискуссию о методах оказания помощи восставшим христианским народам. В условиях нового обострения Восточного вопроса русское правительство, стремясь сохранить и расширить влияние на Балканах, приняло решение

поддержать национально-освободительное движение южных славян. При этом оно учитывало и настроения своего народа, горячо сочувствовавшего братьям-славянам, угнетаемым османами. 12 (24) апреля 1877 г. Александр II подписал манифест об объявлении войны Турции.

Война была чрезвычайно популярна в русском обществе. Ее цель – освобождение болгарского народа, с которым Россию связывали общие славянские корни, культура и религия, была близка и понятна всем слоям русского общества. Несомненно, имелись и скептики. Среди них была и графиня Е. В. Салиас. Размах освободительного движения на Балканах и выступления в России в защиту болгар казались ей преувеличенными под влиянием прессы. К тому же она резонно полагала, что “спасать других при неурядицах нашего общественного строя немислимо”. “... – Наше безденежье, враждебное отношение Европы к этой новой форме, той же страсти к завоеваниям мне являлись препятствиями непреодолимыми к достижению какого бы то ни было результата даже и тогда, когда бы война окончилась блистательно для нас, “– записала графиня в Воспоминаниях”. – Но и это было тогда для меня вопросом нерешенным”. Критические настроения имели и личные мотивы – страх за жизнь “дарованного Господом сына”, как она называла своего зятя генерала И. В. Гурко. “Я боялась войны уже и потому, что при наших порядках, отсутствие ума в руководящих сферах, отсутствие людей и генералов, отсутствие улучшенного оружия в армии и беспорядке в управлении ее можно было ожидать не побед и славы, а поражения и стыда”²⁹.

Воспоминания пронизаны чувством глубокого уважения и доверия, которые автор питал к И. В. Гурко, “как к человеку высокой души, характера, ума и сердца”. “Поистине, таких мало на свете”. – с благоговением писала она. – “Прямой, правдивый, благородный, смиренный, чистой души человек!”³⁰ Несомненно, что гордость, которую графиня испытывала по отношению к генералу И. В. Гурко, названного военными историками победителем войны 1877–1878 г., победителем Балкан³¹, отразилась и “Воспоминаниях” Е. В. Салиас. Но Гурко предстает перед нами не только в блеске эполет, но и в кругу любящей его семьи.

Иосиф Владимирович Гурко (1828–1904) происходил из дворян Могилевской губернии³². Родился 16 июля 1828 г. в семье генерала от инфантерии, участника Отечественной войны 1812 г. начальника всех резервных и запасных частей русской гвардии и армии Владимира Иосифовича Гурко³³ (1795–1852) и баронессы Татьяны Алексеевны, урожденной Корф (1795–1840).

По окончании в 1846 г. Пажеского корпуса – одного из самых престижных военно-учебных заведений того времени – восемнадцатилетним корнетом Гурко начал службу в привилегированном Лейб-гвардии Гусарском полку³⁴.

С началом Крымской войны 1853–1856 гг. штаб-ротмистр Гурко, желавший “жить с кавалерией, а умирать с пехотой”, по собственному прошению был прикомандирован к Образцовому пехотному полку. Затем в 1856 г. Высочайшим приказом переведен подполковником в пехотный генерал-фельдмаршала графа Дибича-Забалканского полк. Однако участвовать в военных действиях Гурко не пришлось. После заключения мирного договора он вернулся в Лейб-гвардии гусарский полк прежним чином и принял командование эскадрона. Уже на этом скромном посту Гурко выделился как отличный кавалерийский офицер, образцовый командир и строгий, но умелый воспитатель и учитель солдат. Во время высочайшего смотра боевая и строевая подготовка его эскадрона обратила на себя внимание императора Александра II и в 1860 г. Гурко был назначен флигель-адъютантом. В 1861 г. – произведен в полковники. В 1862 г. – отчислен из армии в свиту императора для контроля над проведением в жизнь великих реформ, в частности, отмены крепостного права 1861 г. С этой целью Иосиф Владимирович совершил несколько поездок в Самарскую, Вятскую и Калужскую губернии. Участвуя в урегулировании земельных конфликтов, Гурко, по словам современников, сумел завоевать уважение как крестьян, так и помещиков. В “Колоколе” Герцена флигель-адъютантские аксельбанты Гурко были названы “символом доблести и чести”.³⁵ Его способность разрешать возникавшие столкновения крестьян с помещиками путем разъяснений и убеждений, а не посредством пуль, как писал тот же “Колокол”, сделали его “героем не нашего времени”.³⁶ Представитель противоположного реакционного лагеря К. П. Победоносцев говорил о нем: “Совесть у него прямая, солдатская. В делах политических он имеет некоторую опытность, он не упрям <...>. Не поддавался, сколько мне известно, действию политических болтунов и имел прямой взгляд на государственные потребности России. Хитрости в нем нет, к интригам он не способен. Нет у него стаи знатных родственников, которые стремились бы через него составить себе политическую карьеру”³⁷.

В 1862 г. состоялось знаменательное событие – бракосочетание флигель-адъютанта, полковника И. В. Гурко с Марией Андреевной Салиас де Турнемир, которое чуть было не стоило ему карьеры. Дело в том, что мировоззрение и образ жизни будущей тещи графини Е. В. Салиас, круг ее общения, который составляли лица, с точки зрения властей, крайне неблагонадежные, вызывали пристальное внимание к ней со стороны Третьего отделения.

По заведенному порядку, перед свадьбой Гурко, как свитский офицер, должен был явиться к императору, чтобы испросить позволения вступить в брак. По воспоминаниям Е. М. Феоктистова, Александр II относился к нему до этого времени с большой благосклонностью. Это выразилось и во время последней аудиенции. Однако узнав имя невесты, император был страшно раздосадован: “Невозможно себе

представить, какая резкая перемена произошла в государе. Лицо его омрачилось, он быстро отдернул руку³⁸. Верноподданнические заверения Гурко несколько смягчили удар по его репутации. Свадьба состоялась, но монаршее неудовольствие, незамедлительно сказавшись на его продвижении по служебной лестнице. "...Государь долго не хотел простить Иосифу Владимировичу его женитьбы, – вспоминал Е. М. Феоктистов. – Молодые поселились в Царском Селе, где Гурко довольствовался лишь весьма ограниченным кругом знакомых; он как бы сделался опальным, никакого назначения не получал, к немалому удивлению своих сослуживцев, которые не имели ни малейшего понятия о том, что произошло между ним и Государем. В то время, то есть при императоре Александре Николаевиче, флигель-адъютантство значило очень много; счастливые смертные, удостоивавшиеся этого назначения, имели основание рассчитывать, что перед ними открывается широкий путь к почестям..."³⁹.

Через некоторое время гнев императора смягчился. В 1866 г. И. В. Гурко был назначен командиром 4-го Мариупольского гусарского полка. Через три года (1869 г.) – командиром Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. В 1875 г. он получил под свое начало 2-ю Гвардейскую кавалерийскую дивизию⁴⁰, а в 1876 г. был произведен в генерал-лейтенанты.

Прошедший все основные должности по служебной лестнице вплоть до командира кавалерийской дивизии, он зарекомендовал себя как мыслящий и деятельный начальник, способный самостоятельно решать поставленные задачи и не перекладывать при этом ответственность на чужие плечи. Эти незаменимые для командира качества создали Иосифу Владимировичу большой авторитет в армии.

К началу русско-турецкой войны 1877–1878 гг. гвардейские войска оставались в резерве, на что И. В. Гурко, по его собственному выражению, "страшно досадовал": оставаться не у дел было "не только обидно, но даже стыдно"⁴¹.

Наконец, 15 июня 1877 г. по Высочайшему повелению Гурко был командирован в Дунайскую армию и 24 июня принял под свое начало авангард русской армии – Передовой отряд⁴².

С этого времени военная карьера И. В. Гурко оказалась тесно связанной с Болгарией. 25 июня 1877 г. войска под командованием Гурко освободили первый болгарский город, ее древнюю столицу Велико Тырново. "Все население Тырново собрались на главной улице, по которой проходили войска с генералом Гурко во главе. Окна, балконы, крыши домов, все было занято зрителями. Болгары осыпали войска цветами, венками, некоторые украшали ими ружья, шашки, гривы лошадей. Дети хором пели наш народный гимн. Пение, неумолкаемые крики "ура", "браво", "да живет царь Александр и все войницы", "добре дошли" смешивались с аплодисментами, рукопожатиями, поце-

люями. Словом восторг был полный...⁷⁴³. Это событие с восхищением было встречено и в России. Оно произвело огромное впечатление на графиню Салиас и стало переломным в ее отношении к освободительной кампании. “Все ликовало – ликовала и душа его при мысли, что он (Гурко – *Н. В.*) освобождает христиан от жестокого ига варваров, – писала Е. В. Салиас. – С этой минуты я стала мало-помалу принимать участие в несчастном населении Болгарии, стала читать газеты, все какие были, с первой строчки до последней. Но из-за него, из любви к нему я стала любить его дело освобождения⁷⁴⁴. “Я знала, – продолжала графиня, – что честолюбие не владеет (его – *Н. В.*) душою, что он отправился на войну с чувством древнего рыцаря-крестоносца, что он убежден, что долг повелевает подать помощь поработанным и истязаемым единоплеменникам, единоверцам, что он крепко верит в свое правое дело и сражается за освобождение христиан (выделено автором – *Н. В.*), а не за что другое⁷⁴⁵.

Овладев г. Велико Тырново, войска Передового отряда приступили к исполнению своей основной задачи – занятию Балканских перевалов.

Пройдя через Хаинкиойский перевал, считавшийся непреступным, отряд под командованием Гурко преодолел Балканский хребет. Заняв города Казанлык и Эски-Загру, 7 июля 1877 г. Передовой отряд открыл для русской армии Шипкинский перевал и начал успешное продвижение по Южной Болгарии. Внезапное появление и быстрое распространение русских войск в Южной Болгарии вызвало смятение в Османской империи. “Государство поставлено между жизнью и смертью”, – говорилось в депеше султанской канцелярии от 2 июля 1877 г.⁴⁶

Генерал Гурко “в награду мужества, храбрости и распорядительности, оказанных при взятии Казанлыка и Шипки”, приказом по Действующей армии получил орден Св. Георгия III–й степени⁴⁷ и произведен в генерал-адъютанты.

Трагические для русской армии дни во время первого и второго штурма Плевны (Плевена) (8 и 18 июля 1877 г.), а также военные действия на обоих театрах военных действий заставили Главный штаб пересмотреть как стратегический, так и тактический план войны. Передовой отряд по приказу Главнокомандующего был расформирован и влит в ряды защитников Шипки под командованием генерала Ф. Ф. Радецкого⁴⁸. 27 июля 1877 г. Гурко был откомандирован в Петербург, где провел мобилизацию 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, с которой вернулся на театр военных действий. Получив под свое командование кавалерию Западного отряда, он в октябре 1877 г. овладел турецкими опорными пунктами на Софийском шоссе – Горным Дубняком и Телишем, чем завершил полное окружение Плевны. За сражение у Горни Дыбника Гурко был награжден главнокомандующим золотой шпагой, осыпанной алмазами.

Но не менее дорогим для Гурко было присвоенное ему солдатскими именами – “генерал “Вперед”. Размышляя о дальнейшем ходе операции, Гурко предложил Главной квартире русской армии свой план перехода через Стара-Планину, однако на Военном совете большинство участников назвали план безумным. Это вынудило Гурко, минуя непосредственное начальство, подать докладную записку царю. Заканчивалась она следующей фразой: “Честолюбивые замыслы от меня далеки, но мне совсем не все равно, что скажет обо мне потомство, и потому я говорю, что надо немедленно наступать. Если же Ваше Величество со мной не согласны, то прошу назначить на мое место другого начальника, который лучше меня исполнит пассивный план, предлагаемый Ставкой”⁴⁹. На Военном совете в Главной квартире разногласия зашли так далеко, что не склонный к пафосу Гурко заявил: “Ответ за мои действия я готов держать перед отечеством и историей”.⁵⁰ План получил поддержку у Александра II, и в ноябре 1877 г. Гурко осуществил наступление на Энтрополь – Орхание. Овладев ими, он занял удобные исходные позиции для преодоления Балкан. Усиленный после взятия Плевны подкреплениями Западный отряд под командованием Гурко (теперь он насчитывал 70 тысяч человек) 13 декабря двинулся через Балканы. Зная, что не все подчиненные ему командиры одобряют поход, он заявил: “Если большим людям трудно, я уберу их в резерв, а вперед пойду с маленькими”.

После восьмидневного трудного перехода через зимние Балканы Западный отряд Гурко спустился в Софийскую долину. В упорных боях овладев Ташкисенской укрепленной линией, 23 декабря он вступил в Софию.

Небывалый в истории переход во многом предрешил исход всей кампании. Не случайно, некоторые военные историки именно Гурко назвали победителем войны 1877–1878 гг.⁵¹ Самому генералу он принес не только орден святого Георгия 2-й степени, звание генерала от кавалерии, но и поистине всенародное признание.

Массовые общественные настроения отразили и публикуемые воспоминания. Графиня Салиас наказывала внукам: “Носите имя отца вашего честно, он прославил это имя, украсил его семейными и общественными добродетелями. Берегите и вашу честь, поставьте ее выше всех благ земных, совершайте путь жизни, следуя примеру отца, с достоинством и благородством и никогда не забывайте какого отца вы. Гордитесь отцом, но не кичитесь, не будьте надменными, дети. Меня помните, когда меня не станет, и поминайте в молитвах. Я <...> глубоко люблю, глубоко уважаю отца вашего, не потому что он герой, а потому что имела возможность понять и оценить все его редкие качества и высокую душу”⁵².

После войны Гурко последовательно занимал посты генерал-губернатора Санкт-Петербурга, Одессы и, наконец, западного форпоста

России – Привислинского края (1883–1894 гг.). В 1896 году, в ознаменование 50-летия его безупречной службы Престолу и Отечеству, И. В. Гурко был награжден высшим орденом – “Святого равноапостольного Андрея Первозванного” и званием генерал-фельдмаршала.

В семье Гурко было шестеро сыновей, трое из них: Евгений, Алексей и Николай погибли или умерли еще при жизни родителей. Для Владимира, Василия и Дмитрия, которым в то время было 18, 16 и 8 лет, соответственно, и были написаны “Воспоминания”.

Старший сын – Владимир Иосифович Гурко родился в 1862 г. В 1885 г. окончил Императорский Московский университет и поступил на службу в Московский цензурный комитет. В 1886–1888 гг. служил комиссаром по крестьянским делам Горецкого и Радоминского уездов Варшавской губернии. Проводил в жизнь Положение 1864 г. о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости в губерниях Привислинского края. В 1891–1894 гг. находился в должности Варшавского гражданского вице-губернатора. С 1895 г., будучи назначенным в Государственную канцелярию, последовательно работал в отделениях законов, государственной экономии и отделении дел Государственного секретаря. В 1901 г. пожалован в звание камергера Двора Его Императорского Величества. В 1892 г. был переведен в Министерство внутренних дел, занимался вопросами металлургической промышленности, деятельности Крестьянского Поземельного банка и др. В 1905 г. был назначен товарищем министра внутренних дел и состоял председателем комиссии по выработке Высочайших указов 5 октября и 9 ноября 1906 г. (Столыпинская реформа). В октябре–ноябре 1906 г., в связи с необходимостью ликвидировать последствия неурожая, получил новое назначение – “заведывать продовольственной частью империи”. В декабре 1907 г. был отстранен от службы по приговору судебного присутствия Уголовно-Кассационного департамента Правительствующего Сената за превышение полномочий в деле организации закупки хлеба для пострадавших от неурожая губерний. 27 марта 1908 г. высочайше помилован. С 1906 г. – член Постоянного Совета объединенных дворянских обществ, крайне правой сословно-корпоративной политической организации российского дворянства. В 1910 г. вновь пожалован в камергеры. В августе 1912 г. от земства Тверской губернии был избран в члены Государственного совета по выборам. В Совете примкнул к группе консервативных правых членов. В августе 1915 г. был избран в составе девяти членов Государственного Совета в Особое Совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства. В 1917 г. после октябрьских событий эмигрировал во Францию. В. И. Гурко скончался в Париже 18 февраля 1927 г.

Василий Иосифович Гурко – генерал от кавалерии, шестой генерал по прямой линии, один из руководителей русской военной разведки. Родился в 1864 г. Окончил в 1885 г. Пажеский корпус и начал службу

корнетом в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. В 1892 г. окончил Академию Генштаба, служил на штабных должностях. Во время англо-бурской войны (1899–1902) состоял русским военным агентом при бурской армии. С началом русско-японской войны (1904–1905) – штаб-офицер на Дальневосточном театре военных действий (состоял при управлении генерал-квартирмейстерства Маньчжурской армии, затем был откомандирован исполняющим должность начальника штаба 1-го Сибирского армейского корпуса в районе Ляояна). Заведовал военно-цензурным управлением, затем командовал Уссурийской отдельной бригадой и Южным отрядом. В 1906–1911 гг. состоял в комиссии по описанию русско-японской войны. В Первую мировую войну (1914–1918) в составе 1-й армии Северо-Западного фронта участвовал в Восточно-Прусской операции, командовал 6-м армейским корпусом (вел активные боевые действия против австро-венгерских войск – разгромил два корпуса неприятеля). С 1916 г. командовал 5-й армией Северного фронта, затем Особой армией, сформированной на базе гвардейских войск. Участвовал в наступлении на Юго-Западном фронте, затем временно заменял главнокомандующего М. В. Алексеева. После Февральской революции – главнокомандующий армиями Западного фронта. В августе 1917 г. в результате конфликта с Временным Правительством был арестован и снят с должности как лицо “представляющее опасность для республики”. В сентябре 1917 г. был выпущен из Петропавловской крепости и выслан за границу.⁵³ Находясь в эмиграции во Франции, В. И. Гурко активно участвовал в деятельности Российского Общевоинского Союза, занимал пост председателя Союза инвалидов. Генерал В.И. Гурко умер в Риме в 1937 г.

Дмитрий Иосифович Гурко родился 1872 г. Получил домашнее образование, затем поступил в Пажеский корпус. В 1891 г. был произведен в офицеры и отправился служить в выбранный им ранее лейб-гвардии его императорского величества Николая II Уланский полк, расквартированный в Варшаве. В 1896 г. поступил в Николаевскую академию Генерального Штаба. После ее окончания был прикомандирован к штабу Одесского военного округа. По собственному прошению был командирован для подавления восстания “боксеров” на Дальний Восток. Воевал в русско-японскую войну, в 1906 г. за отличия награжден золотым оружием. По возвращении в Петербург был назначен помощником начальника Северного стола в только что сформированном оперативном отделении Генерального штаба. С 1908 г. находился на военно-дипломатической службе, был российским военным агентом в Швейцарии. Один из основоположников службы внешней разведки России в Центральной Европе. В 1914–1915 гг. командовал 18-м гусарским Нежинским полком, с 7 апреля 1917 г. – 16-й кавказской дивизией. После революции 1917 г. Д. И. Гурко оказался в Болгарии,

откуда переехал в Германию, а затем в Париж. В эмиграции – товарищ председателя, затем председатель Объединения лейб-гвардии Уланского полка. Умер в Париже в 19 августа 1945 г.

* * *

Готовящиеся автором к публикации отдельным изданием мемуары Е. В. Салиас де Турнемир посвящены одному из самых значительных событий XIX в. – русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Они пополняют достаточно широкий круг публикаций исторических документов, главным образом, освещающих ход и результаты военных действий. В последнее время читатель получил возможность познакомиться с записками и воспоминаниями участников войны⁵⁴.

Современный подход к изучению истории позволяет по-новому взглянуть на документы личного происхождения, которые ранее рассматривались преимущественно как “иллюстративные”, в высшей степени субъективные, а, следовательно, недостаточно достоверные источники. Для социальной истории воспоминания и дневники обладают преимуществом перед нормативно-распорядительными документами или периодическими изданиями. Эти материалы, как правило, более полно и с неожиданного ракурса отражают эпоху, в которой жили их авторы и современники. Мемуары открывают нам совершенно иную перспективу видения исторических событий, пропущенных сквозь призму собственных впечатлений автора, придавая подчас ее трактовке личный, интимный характер.

Воспоминания Е. В. Салиас де Турнемир ценный исторический источник, позволяющий взглянуть на историю русско-турецкой войны 1877–1878 гг. глазами не профессионального военного или дипломата, а частного лица. Они позволяют увидеть новую, не известную до сих пор сторону жизни выдающегося полководца и государственного деятеля И. В. Гурко, в которой значительную играла роль семья. Здесь представлено немало сокровенных личных мыслей и переживаний самого генерала и близких ему людей. Отражены настроения различных слоев общества Москвы и Петербурга, остро реагировавших на победы и неудачи русской армии. Мемуары Е. В. Салиас де Турнемир имеют конкретного адресата. Он указан в названии самим автором, что встречается нечасто, – “Воспоминания о войне 1877 и 1878 годов для внуков моих Ромейко-Гурко”.

Для истории повседневности, выделяющейся в последние годы в самостоятельное научное направление, где главным объектом исследований является жизнь человека во всем ее многообразии⁵⁵, мемуары графини Е. В. Салиас де Турнемир представляют немалый интерес. Значительное место в “Воспоминаниях” занимает описание быта и атмосферы, царивших в семье Гурко. Изучение подобных документов

особенно важно, поскольку учет повседневных реалий позволяет исследователям переосмыслить взаимоотношения человека, различных слоев общества и власти.

¹ Раич (настоящая фамилия Амфитеатров) Семен Егорович (1792–1855) – преподаватель русской словесности в Московском университетском пансионе, брат Митрополита Московского Филарета.

² Морошкин Федор Лукич (1804–1857).

³ Тургенев в Гейдельберге летом 1838 г. Из дневника Е. В. Сухова-Кобылиной // Публикация *Домонтовой М.* // Литературное наследство. – М., 1967. – Т. 36. – С. 337.

⁴ Труды Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. III, М.-Л., 1934. – С. 187–274; О взаимоотношениях Огарева и Е. В. Сухова-Кобылиной (Петрово-Солово) оставила интересные подробности Н.А. Тучкова-Огарева. См. *Тучкова-Огарева Н. А.* Из “Дневника” и записных книжек // Огарев Н. П. в воспоминаниях современников. – М., 1989. – С. 326.

⁵ Петрово-Солово (Петрово-Солово).

⁶ Русский архив. – 1882. – Т. 3, № 5. – С. 86.

⁷ *Гурко Д. И.* Воспоминания генерала // Генералами рождаются. Воспоминания русских военачальников XIX – начала XX веков (сост. *Сахаров В. И., Манькова Л. В.*). – М., 2002. – С. 177.

⁸ *Измайлов А. А.* Литературный олимп. Лев Толстой, Чехов, Андреев, Куприн, Горький, Сологуб, Ясинский, Брюсов, Салиас, Соловьев. – М., 1911. – С. 417.

⁹ Цит. по *Русева Л.* Она принадлежит истории. // Смена, октябрь (1656), 2002. – С. 97.

¹⁰ Грановский Тимофей Николаевич (1813–1855) – историк, профессор Московского университета.

¹¹ Шевырев Степан Петрович (1806–1864) – русский литературный критик, историк литературы и искусства, поэт.

¹² Станкевич Николай Владимирович (1813–1840) – общественный деятель, мыслитель, глава знаменитого в истории русской литературы “кружка Станкевича”, куда входили В. Г. Белинский, К. С. Аксаков, М. А. Бакунин, И. С. Тургенев, М. Н. Катков, Т. Н. Грановский и др.

¹³ Максимович Михаил Александрович (1804–1873) – ботаник, историк, филолог, фольклорист и этнограф.

¹⁴ Цит. по *Русева Л.* Указ. Соч. – С. 97–98.

¹⁵ Цит. по *Биляев Ю.* Евгений Салиас. Сочинения в двух томах. – М., 1991. – Т. 1. – С. 8.

¹⁶ Цит. по *Смирнова О. В.* Евгения Тур: судьба женщины-писательницы в России XIX века : автореф. Дис. ... канд. филол. наук / Смирнова О. В. – Тверь, 2005. – С. 15.

¹⁷ *Книжник Н.* Словарь русских писательниц (1759–1859) / Голицын Н. Н. // Русский архив. – 1865, № 11–12. – С. 1454.

¹⁸ *Тур Е.* Жизнь Жорж Санда // Русский вестник. 1856. Т. 3, 4; “Казачи”. Кавказская повесть 1852 г. гр. Л. Н. Толстого // Отечественные записки. 1863, № 6; Романы и сказки. “Униженные и оскорбленные”, роман г. Достоевского // Русская речь. 1861. № 89. 5 ноября; По поводу последней повести г. Авдеева “Подводный камень” // Русская речь. 1861. № 6. 19 января; По поводу романа В. Крестовского “В ожидании лучшего” // Русская речь. – 1861,

№ 12. – 9 февраля; Несколько беглых заметок после чтения романа г. И. Тургенева “Отцы и дети” // Северная пчела. – 1862, № 91–92. – 4 апреля – 4 мая.

¹⁹ Свечина Софья Петровна (1782–1859) – писательница, дочь статс-секретаря императрицы Екатерины II П. А. Соймонова; 17 лет вышла замуж за генерала Свечина. Не найдя счастья в супружестве, Свечина обратилась к мистицизму. На становление Свечиной имело большое влияние знакомство с известным писателем графом Жозефом де Мэстром, посланником Сардинии в Петербурге. Переселившись в 1817 г. в Париж, она перешла в католицизм. Салон Свечиной в Париже выделялся своим клерикальным направлением. Сочинения Свечиной имели характер благочестивых размышлений; они изданы во Франции графом де-Фаллу после смерти автора. Появление ее книг в России вызвало оживленную полемику в русской периодической печати (“Северная Пчела”. – 1860, № 47 и 70; “Наше Время”. – 1860, № 1; “Русский Вестник”. – 1860, № 7 и 8; “Современник”. – 1860, № 6).

²⁰ *Л-ая А. Е.* Тур. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. <http://be.sci-lib.com/article090131.html>.

²¹ Феокистов Евгений Михайлович (1829–1898) – журналист и историк, сотрудник “Русского вестника”, “Отечественных записок”, начальник Главного управления по делам печати (1883–1896). С 1896 г. – сенатор.

²² *Салиас Е.* Семь арестов (Из воспоминаний) // Исторический вестник. – 1898. – Т. 71.

²³ Цит. по *Русева Л.* Указ. Соч. – С. 96.

²⁴ “Я живу здесь уединенно, работаю много”. Письма В. Ф. Лугинина к Е. В. Салиас де Турнемир. 1863–1864 гг. Сост. Зайцева Е. А., Любина Г. И. // Исторический архив. – № 6, 2007. – С. 193–205.

²⁵ Бакунин Михаил Александрович (1814–1876) – русский мыслитель, революционер, идеолог и теоретик анархизма.

²⁶ См.: Письма М. А. Бакунина к графине Е. В. Салиас // Летописи марксизма. – 1927, № 3.

²⁷ Цит. по: *Сараскина Л.* Указ. соч. С. 214 (письмо Е. В. Салиас к А. П. Сусловой [16 октября 1864]).

²⁸ *Тур Е.* Жемчужное ожерелье. М., 1870; *она же* Хрустальное сердце. М., 1873; *она же* Звездочка. М., 1873; *Она же*. Через край. М., 1885; *она же* Житие преподобного отца нашего Ксенофонта, супруги его Марии и двух сыновей его Иоанна и Аркадия. СПб., 1884; *она же* Очерк жизни и деяний Иннокентия, митрополита Московского. М., 1884. Также широко был известен ее перевод книги “Последние дни Помпеи” английского писателя Э. Д. Бульвер-Литтона (*Тур Е.* Последние дни Помпеи. Переделано для отроческого возраста. – М., 1883).

²⁹ РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 299, л. 2 об.–3.

³⁰ РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 299, л. 36.

³¹ *А. А. Керсновский* История Русской армии. militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html

³² РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7106, л. 431.

³³ Военная энциклопедия. – СПб., 1912. – Т. 8. – С. 542.

³⁴ Военный энциклопедический лексикон. Изд. 2-е. СПб.: В типографии штаба учебных заведений, 1853 г. – Т. 4. – С. 120–121.

³⁵ Цит. по: Военная энциклопедия. – СПб., 1912. – Т. 8. – С. 543.

³⁶ “Колокол” прибавочные листы к Полярной звезде № 101 15 июня 1861 г. – С. 852.

- ³⁷ Письма Победоносцева Александру III. – М., 1925. – Т. 1. – С. 388.
- ³⁸ *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы (1848–1896.) Воспоминания. – М.: Новости, 1991. – С. 346.
- ³⁹ *Феоктистов Е. М.* Указ. соч. – С. 348.
- ⁴⁰ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7106, л. 732.
- ⁴¹ *Гурко И. В.* Записки о кампании 1877–1878 гг. // Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. глазами ее участников. Записки и воспоминания. – М.: РОССПЭН. – С. 171.
- ⁴² РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 64, л. 5.
- ⁴³ *Н. Епанчин.* Война 1877–1878 гг. Действия Передового отряда генерал-адъютанта Гурко. СПб.: Типография Штаба войск и Петербургского военного округа, 1895. – С. 33–34.
- ⁴⁴ РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 299, л. 13.
- ⁴⁵ РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 299, л. 56–56 об.
- ⁴⁶ Сборник турецких документов о последней войне. Перевод с турецкого трех последних глав “Зубдетуль-Хакаик” составленного Ахмед-Мидхатом-эфенди. Военный сборник, 1879, № IV (Приложение). – С. 60.
- ⁴⁷ РГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7106, л. 732.
- ⁴⁸ РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 7331, л. 44.
- ⁴⁹ *Гурко Д.И.* Указ. соч. – С. 182.
- ⁵⁰ Цит. по: *Генов Ц.* Освободительная война 1877–1878 г. София, 1978. – С. 192.
- ⁵¹ *А. А. Керсновский* История Русской армии. militera.lib.ru/h/kersnovsky1/index.html
- ⁵² РГВИА, ф. 232, оп. 1, д. 299, л. 68 об.–69.
- ⁵³ *Гурко В.* Война и революция в России. Мемуары командующего Западным фронтом. 1914–1917. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 381–383.
- ⁵⁴ Восточная война. Дневник князя Николая Владимировича Яшвиля с 29 июня 1877 года по 4 февраля 1878 года. Сост. Н. Осипова, С. Пинтев. София: “Марин Дринов”, 2004; Князь Н. В. Яшвиль. Походные письма (1877–1878). Сост. Н. Осипова, С. Пинтев. София: “Марин Дринов”, 2007; Н.Н. Карзин. Дунав в пламени (Дневник на корреспондента). Репортажи (1877–1878). София: Държавна агенция “Архиви”, 2008.
- ⁵⁵ *Соколов А. К.* Социальная история: проблемы методологии и источниковедения // Проблемы источниковедения и историографии: Материалы II научных чтений памяти академика И. Д. Ковальченко. – М., 2000. – С. 78.

Речь идет о найденных автором в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) “Воспоминаниях” графини Е. В. Салиас де Турнемир, посвященных одному из самых значительных событий XIX в. – русско-турецкой войне 1877–1878 гг.

Ключевые слова: Е. В. Салиас де Турнемир; Евгения Тур; писательница; произведения; Гурко; война.

The article deals with the countess E. V. Salias de Turnemyr “Memories” dedicated to the Russo-Turkish war of 1877–1878, one of the most important events of the XIX century. The documents were found by author in the fonds of Russian State War and History Archives.

Keywords: E. V. Salias de Turnemyr; Euhenia Tur; the writer; the works; Hurko; the war.